

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального
образования «Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Долгов Вадим Викторович

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕ В КАРТИНЕ МИРА НАСЕЛЕНИЯ
ДРЕВНЕЙ РУСИ XI – XIII ВВ.**

07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ижевск 2008

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Научный консультант:

доктор исторических наук, профессор,
заведующая отделом Института Этнологии и
антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН
Пушкарева Наталья Львовна

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
Данилевский Игорь Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Петров Алексей Владимирович
доктор исторических наук, профессор
Пашин Сергей Станиславович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Казанский государственный университет»

Защита состоится 26 декабря 2008 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.01 при ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, Ижевск, ул. Университетская, 1. корп. 2 .

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского государственного университета по адресу: 426034, Ижевск, ул. Университетская, 1. корп. 2 .

Автореферат разослан 11 ноября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
канд. ист. наук, доцент

Г.Н. Журавлева

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Актуальность избранной темы определяется двумя основными факторами: 1) назревшей необходимостью применить к материалу по истории домонгольской Руси исследовательский инструментарий социальной антропологии, использовать ее нарративную парадигму в описании культурных и социальных феноменов; 2) не менее остро назревшей потребностью в изучении социального мировоззрения Человека эпохи раннего русского средневековья. Работа в обеих проблемных сферах делает возможным обнаружение новых граней изучаемой (и, как будто, давно изученной) эпохи, открывает такие возможности создания единой синтетической картины социальной реальности, которыми мы не в праве пренебрегать.

Объект и предмет исследования. Данная работа является попыткой взглянуть на древнерусское общество¹ (выступающее, таким образом, *объектом* исследования), под новым ракурсом – изнутри, глазами людей, его составляющих, или, по крайней мере, глазами «соучастного» путешественника, оказавшегося в изучаемой среде. Поскольку главной исследовательской проблемой в рамках данной работы является *создание синтетической картины социальной реальности* Древней Руси XI – XIII вв., *предметом* изучения стала сфера, которой, по мнению А.Я. Гуревича, синтетичность свойственна как сущностная черта – это общественные представления населения: представления о власти и обществе, о частной жизни малой группы, о внешнем и горнем мире. То есть *предмет* настоящей работы – картина мира², свойственная древнерусскому общественному сознанию³, ее характерные черты и узловые точки.

Хронологическая и пространственная локализация Хронологические рамки работы охватывают XI – XIII вв. Экскурсы в более поздние времена производятся постольку, поскольку некоторые явления в полной мере проявляют свою сущность только после того как прекращают существование. Особенно это касается тем, связанных с проблемой этнокультурной самоидентификации: монгольское нашествие стало толчком к актуализации религиозной и культурно-государственной идентичности, проявило грани самосознания, дремавшие в предшествовавшие спокойные времена.

Концентрация основного внимания на XI – XIII вв. обусловлена тем, что указанный временной промежуток в русской истории выделяется в особый период «Домонгольской» Руси, характеризующийся возникновением и развитием первых государственных образований в форме городских волостей,

---

¹ В определении значения данного термина автор ориентируется на концепцию «социального организма», предложенную Ю.В. Семеновым. См.: Семенов Ю.И. Философия истории. От истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. М.: Старый сад, 1999. С. 16-27.

² Под «картиной мира» в рамках данной работы будет пониматься совокупность представлений о мире и месте в нем человека.

³ Понимание этого термина в отечественной науке было задано трудами Б.Ф. Поршнева и его последователей.

культурным единством и определенной устойчивостью социальных и этнических процессов.

Основное внимание в работе уделяется жизни населения крупных городов Древней Руси (Киев, Новгород, Владимир-на-Клязьме, Галич), чье существование лучше всего освещено в источниках. Немногочисленные факты из жизни малых городов также используются в исследовании для выявления общих черт и более качественной типизации изучаемых явлений.

Историография В качестве методологических ориентиров представленной работы следует назвать два родственных по общей исследовательской философии научных направления. Это социально-антропологическая традиция, и традиция французской школы «Анналов», иначе называемой антропологически ориентированной историей. Названные методологии – весьма популярны в современной науке, указание на них должно облегчить читателю ориентацию в теоретических принципах представленной работы.

Однако ими методологические основы диссертации не исчерпываются. Необходимый историографический багаж, без которого вряд ли целесообразно пускаться в столь сложное исследование – весьма велик.

Несмотря на то, что работ, прямо нацеленных в избранном направлении немного (Б.А. Романов, М.Г. Рабинович, Н.Л. Пушкарева), историографический обзор получился достаточно объемным. Причина неизбежного «растекания по древу» в том, что полезный методологический инструментарий для антропологического осмысления древнерусского материала содержится в разных трудах, созданных в совершенно различных исследовательских традициях и посвященных разным темам. Кроме того, следует оговориться, что и в основном тексте работы неизбежным оказалось периодическое обращение к историографии. Причина этого в том, что «плотность научного нарратива» в изучении истории Древней Руси настолько велика, что обсуждение любого вопроса так или иначе затрагивает уже высказанные точки зрения и произошедшие дискуссии. Игнорировать это обстоятельство, писать как «с чистого листа» невозможно: необходимо сверять свое прочтение источников с тем, что было уже сделано наукой к настоящему моменту.

Основа антропологически ориентированного взгляда на историю была заложена в отечественной науке «бытописателями» XIX в. (А.В. Терещенко, И.Е. Забелин, Н.И. Костомаров), и развита отечественными этнографами XX в. (М.Г. Рабинович).

Важную роль в развитии науки сыграли дискуссия о национальном характере славян и русских, начавшаяся еще в XVIII в. продолжавшаяся на протяжении всего XIX в. В нее были вовлечены многие ведущие историки (М.В. Ломоносов, М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, Д.И. Иловайский, П.И. Шафарик, О.М. Бодянский, И.М. Соболевский, В.О. Ключевский и др.) В ходе дискуссии были рассмотрены проблемы группового мировоззрения и стереотипов поведения, являющиеся ключевыми в представленной работе.

Социо-культурная проблематика нашла отражение в трудах представителей отечественной антропологически ориентированной истории:

А.П. Щапова, А.С.Лаппо-Данилевского, Н.А.Рожкова, Л.Н. Карсавина О.А. Добиаш-Рождественской, Б.А. Романова во многом предвосхитивших методологические достижения современной европейской исторической науки. Огромное влияние оказала французская «Школа Анналов» (Марк Блок, Люсьен Февр, А.Я. Гуревич и др.), которая вывела исследования в этой области на новую теоретическую высоту и дала дополнительный импульс их развитию, в том числе и в России. На сегодняшний день работы французских исследователей продолжают оставаться классическим образцом и ориентиром в социально-антропологических исследованиях.

В современной отечественной исторической науке «антропологическое путешествие в прошлое» продолжается. За последние десятилетия появилось немало очень интересных исследований, посвященных истории бытовой и социально-политической повседневности, нравам и обычаям, знаковым системам и мировоззрению человека Древней Руси. Почти каждый год выходили новые книги, в которых эти темы так или иначе рассматривались, наиболее заметными из них стали работы И.Я. Фроянова, Н.Л. Пушкаревой, В.П. Даркевича, М.Б. Плюхановой, А.И.Клибанова, А.Л.Юрганова, И.Н. Данилевского А.В. Назаренко, В.Я. Петрухина, А.А. Горского.

Чрезвычайно полезны для развития исследований в области социальной антропологии и этнографии труды психологов. Особенно интересны с методологической точки зрения работы, которые связаны с так называемой социальной и культурной психологией (В. Вундт, Г.Г.Шпет, Л.Леви-Брюль, Л.С.Выготский, Б.Ф. Поршнев)

Важная область гуманитарного знания, освещающая социальный и культурный облик человека прошлого – антропологически ориентированное литературоведение (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев). Традиции антропологического изучения прошлого отечественной культуры во II пол. XX в. были блестяще развиты в трудах представителей тартуско-московской семиотической школы (Ю.М. Лотман). Немалую роль в изучении древнерусской картины мира сыграли филологи и лингвисты: Н.И. Толстой, В.В. Иванов, В.Н. Топоров, В.В. Колесов, О.Н. Трубачев.

Много интересных социально-антропологических наблюдений содержат работы, посвященные изучению религии и мифологии восточных славян древности и периода зарождения первых государств (А.Н. Афанасьев, Е.В. Аничков, Н.М. Гальковский, Д.К. Зеленин, С.А. Токарев, Н.Н. Велецкая, Б.А. Рыбаков, Г.А. Носова, М.В. Попович, В.В. Пузанов, Л.Р. Прозоров).

Таким образом, теоретическая база представленного исследования весьма широка. Однако если определить более точно «методологическое русло», в котором написана работа, в качестве главного, магистрального направления следует назвать исследовательскую традицию социально-антропологических работ по истории русского средневековья, родоначальником которых в отечественной и мировой исторической науке стала Н.Л. Пушкарева. Уже первая ее книга «Женщины Древней Руси», вышедшая в 1989 г. стала событием. Интересны работы Н.Л. Пушкаревой, в которых она развивает традиции школы «Анналов». Собственно, впервые методология французских

«новых историков» к изучению русского материала была применена в ее книге «Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X - начало XIX в.)» Следует также назвать работы Н.Л. Пушкаревой, посвященные истории русской семьи, сексуальности, и историографические работы, посвященные зарубежным исследованиям этнографии русских.

В указанном направлении работал и автор представленной диссертации.

Цель работы: Создание синтетической картины общественных отношений Древней Руси XI – XIII вв. путем реконструкции картины мира (в части представлений об обществе), созданной древнерусской культурой, ее характерных черт и узловых точек по следующей схеме: микрогруппа, город, внешний мир, сверхъестественные сферы.

Достижение поставленной цели требует решения следующих исследовательских задач:

Задачи работы:

1. Используя методологический аппарат отечественной потестарно-политической этнографии и школы Анналов, рассмотреть представления о власти, ее источниках и носителях (князь, вече) в сфере высокой, книжной культуры и в обыденном мировоззрении древнерусского общества. Рассмотреть представления о социальной стратификации и произвести возможно полную реконструкцию различных образов социального мира в древнерусской культуре.

2. Реконструировать структуры повседневности, бытовой уклад, нормы общения в микрогруппе, выработанные древнерусским обществом. Отношение к сексу, любви, семье, друзьям, культурные формы воспитания и образования детей, социально-приемлемые формы проведения досуга и представления о природе болезней и методах поддержания здоровья. Отмеченные пункты должны дать возможность создать объемную модель обыденной жизни представителей основной массы городских жителей Древней Руси.

3. Исследовать представление о внешнем для городской волости мире, выстраиваемой по линии «свой»-«чужие». По существу, речь идет об изучении особенностей формирования государственной и культурной идентичности в условиях непрочного, но при этом вполне стабильного единства Древней Руси в домонгольский период.

4. Выявить социально-психологическую (ментальную) составляющую в представлениях о мире сверхъестественного, существовавшие в древнерусской культуре. Особое внимание в соответствующей главе будет сконцентрировано не столько на уровне институтированных концепций, сколько на уровне стихийного повседневного мировосприятия, так называемой «народной религиозности», которая, однако, была свойственна отнюдь не только простонародью, но зачастую обнаруживает себя в рассуждениях вполне образованных книжников. Психологическая настроенность на чудо, противоречивое отношение к ведьмам и колдунам, сакральная организация городского пространства – вот примерный круг проблематики этой главы.

Источниковая база. Поскольку работа нацелена на создание синтетической картины социальной реальности Древней Руси через изучение комплекса общественных представлений и устойчивых социальных практик, корпус используемых источников не будет, по существу, отличаться от того, что используется в работах, практикующих традиционный подход. Отличие в способах работы с ними.

Одним из основных требований к подбору материала для изучения общественного сознания является комплексность. Постигание психологии социума базируется на возможно более глубоком проникновении в культурный контекст эпохи. Этого невозможно сделать без совокупного анализа как можно более полного объема доступных исследователю свидетельств жизни изучаемого общества. Основой нашего исследования являются вербальные источники, поскольку язык – система, моделирующая сознание. Из вербальных, безусловно, наиболее информативны письменные: летописи, древнерусские и переводные литературные произведения, нормативные акты светского и церковного происхождения, берестяные грамоты, древнерусские граффито, рукописные маргиналии, эпитафика. Немалую пользу в исследовании могут принести и фольклорные источники: записи былин, сказок, обычаев, сделанные в ходе полевых этнографических наблюдений, ведшихся в течение XIX – XX вв. и др.

Методологически наиболее сложным для исследования в области общественного сознания является работа с невербальными источниками. К ним прежде всего относятся иконографические и вещественные источники.

Методология. Основой исследования является междисциплинарный подход и комплексный анализ источников. При проведении исследования применены историко-сравнительный и ретроспективный методы. Поскольку основным методологическим ориентиром в исследовании были традиции социально-антропологического изучения культуры, то к исследованию привлекались методы из арсенала социальной антропологии (метод «насыщенного описания» К. Гирца), школы «Анналов» (анализ «коллективного бессознательного» – ментальности), Тартуской семиотической школы (восстановление внетекстуальных связей) и пр.

Научная новизна. Научная новизна работы во многом определяется новизной избранного метода. Анализ историографии показывает, что, несмотря на значительные наработки, возможности применения социально-антропологической методологии к рассмотрению материалов по русской истории XI – XIII вв. еще далеко не исчерпаны. Н.Л. Пушкарёва заложила основу антропологической работы с древнерусскими источниками домонгольской эпохи. Настоящая работа, по сути, построена на применении предложенного ею метода к материалам XI – XIII вв. с усилением синхронической составляющей.

Работа является первым опытом монографического исследования отражения социальной практики в общественном сознании Древней Руси XI – XIII вв., охватывающим не только сферу «высокой», книжной культуры. Нас в равной степени будут интересовать как взгляды образованного книжника, так и

рядового «людина»-общинника. Как профессиональные ученые рассуждения на темы мироустройства и общественного бытия, так и ненамеренно обнаруживаемое обыденное понимание социальной структуры, правил повседневного поведения и пр. То, как древнерусский человек сознательно мыслит об обществе, и то, как он неосознанно проявляет себя в обращении с теми или иными понятиями, в своих поступках, суждениях, словоупотреблении. Т.е., нас будет интересовать как сфера идеологий, так и ментальности, вместе составляющие комплекс общественного сознания.

Практическая значимость работы. Результаты работы могут быть использованы при создании обобщающих трудов по социально-политической истории Руси XI – XIII вв., а также по истории русской культуры. Методологические наработки, выполненные в исследовании могут быть использованы для продолжения работы по изучению древнерусского общества как в хронологической плоскости, так и в плоскости расширения проблемной сферы. Материалы и выводы диссертации используются при чтении учебных курсов «История России», «История мировой и отечественной культуры», а также спецкурса по соответствующей проблематике. Материалы диссертации также могут быть использованы для написания научно-популярных работ по истории России.

Положения, выносимые на защиту:

1. Логика социального деления в Древней Руси XI – XIII вв. в основном строилась на бинарных оппозициях, а не на тринитарных конструкциях (как это было в средневековой западной Европе). Древнерусская социальная стратификация почти не знала выделения групп по принципу их хозяйственных и профессиональных функций, и что главное основание для выделения групп было ориентировано на внешние, неформализованные характеристики, такие как богатство, личная храбрость и мудрость, степень включенности в управленческую деятельность. Реконструкция образа социальной стратификации в том виде, как она выглядела для самих ее носителей, впервые позволяет внести большую точность рассуждение об общественном строе Древней Руси: разделить то, как общество было устроено «на самом деле» и то, каким оно «представлялось».

2. В своей обыденности существование основной массы населения в XI – XIII вв. еще во многом определялось представлениями и понятиями предшествующей языческой, родовой, догосударственной эпохи. Новое завоевывало место с трудом. Отказ от участия в игрищах и пирах, ежедневное посещение церкви, искоренение пережитков языческих верований – все это оставалось пока неисполненной мечтой просвещенных иерархов церкви. В то же время, интерес к вопросам этики и этикета, свойственный древнерусскому общественному сознанию, был залогом того, что их нравоучительные поучения не пропадут втуне. Даже за такой короткий для истории ментальности срок – три века – уже можно заметить весьма существенную динамику. В качестве органичного элемента в культуру вошла письменность, чтение, кодифицированное законодательство. Постепенно приобретала распространение христианская форма брака, крещение детей, осуждение

жестокого обращения с холопами и пр. Однако и языческое наследие не ушло полностью из жизни рядового человека – в трудные минуты болезни он обращался за помощью к волхвам и наузницам и зелейницам. Много древнего языческого сохранялось во внутренней, домашней, сокрытой от посторонних глаз жизни древнерусской семьи, в построении отношений между мужчиной и женщиной в воспитании детей. Христианство проникает в эти сферы с трудом, обычно в измененном, трансформированном в угоду повседневным представлениям виде.

3. В работе рассмотрено несколько базовых уровней оппозиции «свои – чужие», свойственных общественному сознанию Древней Руси. В качестве первого, начального уровня нами взято противопоставление сограждан жителям других волостей. Противопоставление это являлось наиболее актуальным в эпоху распада политического единства восточнославянских земель и возникновения самостоятельных территориальных образований – городов государств или земель волостей. Каждая волость выступала на исторической арене в виде своеобразной коллективной личности. Общественное сознание наделяло такую «личность» определенным характером. Естественно, враждебной волости склонны были приписывать отрицательные черты, себе – положительные. Это свидетельствует о наличии достаточно высокого уровня группового самосознания. В качестве «коллективных личностей» городские волости сменили в общественной психологии древние племена.

4. Следующий уровень исследуемой оппозиции включает в себе противопоставление Русской земли иноплеменникам. Он актуализировался в тех случаях, когда населению Руси приходилось сталкиваться с иноэтничной средой. Это происходило в случае масштабной военной угрозы со стороны, например, кочевников. Или в далеком путешествии, когда человек, оказавшись в чужом краю начинал осознавать себя не просто новгородцем или киевлянином, а русским. Самосознание Руси складывалось в понятиях и терминах существенно отличавшихся от тех, которыми оперирует современная наука. Слов «государство» и «народ» не было в идейном инструментарии летописца. Он конструировал представление о новой общественно-исторической общности в рамках своей терминологической системы. Ведущим для понимания места и роли Руси в мировом сообществе было понятие «земля/страна». Характеристиками этого понятия объясняется вся архитектура концепции Руси в «Повести временных лет». Происхождение от Иафета, славянский язык и грамота, название и княжеская династия от пришлых варягов-руси, включенность в христианский мир – вот координаты, описывающие положение Русской земли среди других стран в Повести временных лет.

5. Чудесное – неотъемлемая часть картины мира человека раннего русского средневековья. Общественному сознанию населения Древней Руси была характерна психологическая открытость к восприятию сверхъестественного, постоянная настроенность на чудо, готовность уверовать. Это явление может быть также определено как сниженная (по сравнению с

современным человеком) критичность по отношению к сверхъестественным объяснениям явлений окружающего мира. Для вычленения чуда из общего потока событий повседневной жизни необходим был определенный интеллектуальный навык, который, как правило, являлся результатом специальной подготовки, дававшей идейным вождям общества (первоначально языческим жрецам, а затем, после долгой борьбы, православному духовенству) мощное оружие идеологического воздействия на умы и сознание общества. В качестве «теоретической базы» истолкования чудес русскими книжниками широко использовались переводные сочинения византийских авторов. Апелляция к «чуду», «знамению» имела в древнерусской литературе (а значит, надо полагать, и в сознании) значение показателя неслучайности, мистической предопределенности, предначертанности связанного с чудом или знамением события. Если те или иные события, человек или предмет обнаруживали связь с высшей мистической реальностью, они, тем самым, входили в разряд явлений первого порядка, узловых элементов мироздания. В литературе отчетливо определяется стремление связать важнейшие факты «земной» (политической, культурной и пр.) жизни с действием высших сил, выстроить взаимосвязь между миром божественным и человеческим.

6. Дохристианские представления о возможности предсказания будущего сохранялись в общественном сознании населения Древней Руси, продолжая оказывать влияние как на простонародную культуру (где они были законсервированы, и дошли до наших дней), так и на культуру официальную, которой были охвачены образованные слои. Воздействуя на мировоззрение книжного населения, местные языческие традиции актуализировали античные (тоже по сути языческие) элементы официального православия, способствуя созданию новых способов гадания и предсказания будущего, в которых ортодоксальные элементы соединялись в оригинальных сочетаниях. Основой долгого сохранения гаданий в русской культуре стало изначальное верование славян в то, что предуготовленное высшими силами будущее можно узнать и при счастливых стечениях обстоятельств, а также при известной осторожности – изменить.

7. Сакральные элементы в древнерусском представлении о городе были весьма многообразны. В общественном сознании, если рассматривать его как цельный текст, содержались и фрагменты византийской по происхождению идеи о повторении в образе города черт Иерусалима, и местные языческие поверья, связанные с магической защитой ворот, стен и особой ролью святилища, составляющего сакральный центр города. Актуализация тех или иных фрагментов в повседневной практике была обусловлена степенью книжной образованности и конкретными политическими и религиозными целями, которые ставил перед собой человек, взявшийся рассуждать на эту тему. Говорить о том, что для Древней Руси характерно только какое-нибудь одно звено из весьма пестрой цепочки представлений (только библейско-византийское *retranslatio Hierosolymi*, или только языческая апотропейная символика) было бы неверно. Уже в XI – XII вв. сложилась неразделимая смесь представлений, которые затем были развиты в эпоху Московской Руси и стали

основой для становления различных идейных конструктов (например, Москва – Третий Рим).

Апробация работы. Полученные в диссертации выводы нашли отражение в 54 научных публикациях, в том числе 4 монографиях и 7 реферируемых изданиях по списку ВАК, не вызвавших возражений Отдела этнографии русских Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклуха-Маклая РАН, соискателем-докторантом которого являлся диссертант. Отдельные положения диссертации были представлены в докладах на научных конференциях: (Российская научно-практическая конференция «Этнический фактор и политика. История и современность». Ижевск. 3 – 4 марта 2000 г.; Международная научная конференция «Этнос – Культура – Человек», посвященная 60-летию В.Е. Владыкина. Ижевск, 2003; Всероссийская конференция, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В.Д. Жигунина. Казань, 7-9 октября 2003 г.; VI конгресс этнографов и антропологов России. С.-Петербург, 28 июня - 2 июля 2005 г.; Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и ранее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X – XVIII столетия). Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Л.В. Черепнина. Москва, 30 ноября – 2 декабря 2005 г. Всероссийская научная конференция «Историк в меняющемся пространстве российской культуры». Челябинск, 2006. и др.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав и заключения, списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, определены объект и предмет, хронологические и территориальные рамки исследования, цели и задачи работы, анализируется степень изученности проблемы, дана характеристика источниковой базы исследования, показана новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В **первой главе** «Человек в панораме города-государства: власть и общество» рассматривается комплекс представлений об отношениях власти и подчинения – одна из ключевых составляющих картины мира и одна из сфер, являющихся предметом социально-антропологических и этнологических исследований.

Устройство власти в обществах, находящихся на докапиталистических стадиях развития (доклассовое, раннеклассовое, и даже зрелое феодальное) имеет как правило выраженные черты культурного своеобразия.

Первый параграф «Князь – идеология и обыденные представления» посвящен рассмотрению отражения в общественном сознании Древней Руси отношения власти-подчинения. Прежде всего, автор обращается к сфере идеологической, то есть к тому, каким был образ власти в осознанной, теоретически обработанной, отрефлектированной части общественного сознания, специально культивируемый образованной интеллектуальной элитой.

Из всех институтов земской власти в центре наибольшего внимания мыслителей Древней Руси оказался князь, поскольку именно вокруг княжеской власти концентрировалось образованное духовенство, которое и составляло основную массу книжников-идеологов, кроме того, сказалось влияние имперской идейной традиции, почерпнутой Русью в Византии. Для этой традиции, служившей целям обоснования единоличной власти, наиболее существенными и интересными в любой политической системе были, прежде всего, монархические элементы.

Одним из фундаментальных положений византийской политической идеологии является теория божественного происхождения императорской власти. Интеллектуальная элита Руси была с ней хорошо знакома. Однако, Русь творчески подошла к восприятию имперских политических доктрин. В русское общественное сознание «теория божественного происхождения власти» проникает вместе с христианством. Идея, однако, пока только скользнула по поверхности сознания, но не вошла в глубину, не стала популярной. Такое положение существовало на протяжении всего XI века до самого конца (до 90-х годов, когда, по мнению А.А. Шахматова, был составлен свод, предшествующий ПВЛ) И митрополиту Илариону, и епископу Луке Жидяте, и автору Начального свода она известна, но для них не актуальна. Русский книжник слышал, что «власть от Бога» читал, например, у Георгия Амартола, а может быть даже переписывал из какого-нибудь греческого перевода вместе с другими душеспасительными сентенциями, как сделано это в Изборнике 1076 года, но сам пока не привык использовать эту конструкцию в своих размышлениях. «Хронологические пробы» оригинальной русской литературы

XI века: 1037 – 50 гг. («Слово о законе и благодати»), 60-70 гг. («Сказание о Борисе и Глебе»), 90-е гг. (гипотетический Начальный свод, отразившийся в НЛ) показывают, что на протяжении всего этого времени мысль о метафизической основе власти большого влияния не имела. Она содержалась в русской книжной культуре в «свернутом» виде.

Определенные подвижки начинаются с первого десятилетия XII века. При составлении первой редакции Повести временных лет, программное произведение древнерусской общественно-политической жизни – летописный рассказ о святых Борисе и Глебе, комплектуется цитатой из пророка Даниила и построенным вокруг него рассуждением, звучащим как авторская ремарка самого летописца. К этому же времени относится и сочинения митрополита Никифора, в которых князья называются «избранными от бога» неоднократно. Концепция «власть от Бога» начинает использоваться уже не просто как общетеоретическое положение, а в привязке к конкретному политическому материалу. В последующий период она завоевывает определенные позиции в летописной традиции, генетически связанной с ПВЛ. Свидетельство тому – наличие признаков влияния концепции как в Лаврентьевской, так и в Ипатьевской летописях.

В начале XII века концепция «власть от Бога» переживает период активизации. Однако преувеличивать широту их распространения в древнейший период нашей истории не стоит: политическая система Древней Руси слишком сильно отличалась от имперской.

Местные восточнославянские представления о княжеской власти наши более полное выражение в «Поучении» Владимира Мономаха, человека не чуждого книжной образованности, но более ориентированного на представления, почерпнутые из повседневной практики.

Мономах практически не пользуется теорией о божественном происхождении власти в своем произведении, выделяя другие характеристики в качестве основных. Наиболее древними чертами в понимании идеала князя является особое внимание к личным качествам, которыми он должен обладать. В отличие от современных представлений, согласно которым хороший руководитель не должен делать сам работу, а лишь правильно организовывать деятельность подчиненных, от древнерусского князя ждали личного участия во всех предприятиях. Набор прекрасных личных качеств составляет его «личный капитал», обеспечивающий ему авторитет, сходный с авторитетом «старших мужчин» родовой эпохи. Чтобы его уважали, он должен сам много знать и уметь. По мнению И.С.Чичурова, образ идеального правителя, сложившийся в византийской политической мысли имел совсем иные черты.

К традиционным, идущим из родовой эпохи княжеским достоинствам относится щедрость. Не менее ярко проявляются древние традиции в восприятии фигуры князя в сакральном ареоле, которым его окружало древнерусское общественное сознание.

С проблемой соотношения местных и привнесенных византийских элементов в общественном сознании населения Древней Руси связан вопрос об атрибутах княжеской власти: были ли у древнерусских князей венцы.

В догосударственный и дохристианский период славянские князья не имели венцов, но отличительной чертой их костюма могла быть известная круглая шапка с меховой опушкой.

С принятием христианства, в процессе становления новой идеологии, Русью первоначально без разбора заимствуются элементы общественных представлений великого соседа – Византийской империи. В момент первоначального очарования культурными заимствованиями Русь пытается уподобиться империи, используя внешние, «представительские» признаки значительности и величия. Однако, вскоре выясняется, что ни уподобиться империи, ни вписаться в византийский мир на достойном уровне у Руси не получилось. «Смастерить» себе венцы было невозможно – греческие иерархи, стоявшие во главе русской митрополии никогда не допустили бы подобной самостоятельности. В результате очень скоро желание «играть в империю» пропало: появление венца как символ княжеской власти было отсрочено на несколько столетий.

Итак, как было показано, власть древнерусского князя во многом строилась на традициях догосударственной, родовой эпохи. В организации управления просматриваются признаки архаичных форм, таких как авторитет, патронат. В образе князя были сильны черты племенного вождя периода военной демократии, военного предводителя и нарядника, окруженного сакральным ореолом. Принимая в расчет этнографические параллели, можно утверждать, что существовавшее в Древней Руси воззрение на правителя являются типичными для обществ находящихся на стадии разложения родового строя и начала формирования классов. Сопоставление с материалом, относящимся к обществам, находящимся на аналогичной стадии развития позволяет так же предполагать, что представлениями о функциях и полномочиях князя не исчерпывались представления о власти. В древнерусской волости, население которой составляли в основном свободные «люди» князь не был еще монархом, а демократические слои не превратились в подданных. В связи с этим особенно интересным кажется политическое сознание рядового населения.

Во втором параграфе – «Самоуправляющаяся община в структуре представлений о власти. Политическое сознание народной массы» – рассмотрены основные характеристики политической психологии населения древнерусской волости. В параграфе показано, что народ, демократический элемент общества, не был еще отчужден от управления и принимал в нем активное участие, путем вечевых собраний. В XI – XIII вв. сохранялась решающая роль свободных общинников в военном деле. Основной боевой силой оставалось ополчение, состоявшее также из «людей», «киян», «смолян», «новгородцев» и пр. Это привело к формированию развитого политического сознания, характерными чертами которого были патриотизм, социальная активность, ответственность, гордость полноправного свободного человека, труженика и воина, носящего оружие. В последующие века социальный характер демократической части населения радикально поменялся.

Реконструировать древнюю политическую ментальность помогает эпос, в самом эпическом строе которого сохраняются идеалы дофеодалного общества.

В **третьем параграфе** рассмотрены представления о социальной стратификации в общественном сознании населения Древней Руси. Представления о социальной стратификации, о верховной власти и о роли народа в политической жизни городской волости своими особенностями свидетельствуют о том, что общество их породившее жило еще во многом понятиями древней догосударственной, родовой, языческой ментальности.

Для обыденного образа общества в древнерусском общественном сознании характерно отсутствие единого критерия социальной стратификации, выразившаяся в нечеткости терминологии, обозначающей социальные группы, а также в особенностях костюма, покроя которого был одинаков и у «верхов» и у «низов», различным было только качество ткани. Ранжирование населения происходило не по правилам формальной логики, а представляло собой группировку, подчиняющуюся практической житейской необходимости. Важной особенностью социальной логики было использование бинарных оппозиций.

Древняя Русь не знала четкого противопоставления «раб - свободный». Свобода не мыслилась абсолютной, а была присуща человеку в той или иной мере. Более актуальной являлась архаичная, имеющая глубокие корни в общинном быте оппозиция «полноправный - неполноправный».

Важными параметрами социализации были богатство, происхождение, профессия, участие в политической жизни и даже личные качества - ум, храбрость, красноречие.

Общий тон общественному сознанию древнерусского общества задавало коллективное сознание рядового свободного люда, основной категории населения, полноправных общинников. Это нашло отражение в принципе наименования социальных групп, для которых положение «людина», «мужа» служило некой точкой отсчета, средним уровнем. То же явление проявляет себя в высокой социальной престижности труда, осуждении стяжательства и пр.

В **четвертом параграфе** рассмотрены представления об общих принципах общественной и политической жизни, выработанные древнерусской общественно-политической мыслью. Общество, законы, по которым оно живет или должно жить, социальные ценности, власть – все это, так или иначе, входило в орбиту внимания книжников-мыслителей Древней Руси. Несмотря на то, что далеко не на все сферы социального бытия нашли отражение в общественно-политической мысли Руси XI - XII века, наследие ее весьма значительно. Арсенал литературных представлений об общественной жизни, к которому обращался читающий человек, включал в себя и «привозные» византийские концепции, основанные на христианских постулатах, и оригинальные русские идеологические конструкты, ведущие свое происхождение из родовой языческой эпохи. Некоторые теории, воспринятые Русью вместе с христианством из византийской культуры, на протяжении рассматриваемого периода так и не вышли за пределы использования узким кругом интеллектуальной элиты (например, концепция «власть от Бога»).

Другие сделались более популярны, и оказали серьезное влияние на социальные и политические процессы в русском обществе. К таковым относится «теория казней Божьих» и «теория Любви», положения которой во многом определяли политическое сознание общества, а значит, не могли не влиять на социальную и политическую практику. «Концепция мирского благочестия», безусловно, выросла из социально-психологических процессов конца XI - начала XII веков; представления о значимости происхождения, напротив, имеют основой древнюю родовую ментальность. Все это, трансформировалось, творчески перерабатывалось в соответствии с потребностями времени, соединялись в единое целое, составляя неповторимое историческое явление - сферу идеологий древнерусского общественного сознания.

Во **второй главе** «Повседневная жизнь: человек в кругу близких» рассмотрены представления о повседневной жизни человека в малой группе: в общении с друзьями, в супружеской паре, с детьми и родственниками, в кругу повседневных бытовых забот.

Первый параграф посвящен рассмотрению правил поведения, норм вежливости, принятых в древнерусском обществе. Если сравнивать древнерусскую культуру с византийской и западноевропейской, то можно заметить, что на Руси этикету не предавали большого значения. В Византии придворному этикету уделялось гораздо больше внимания. На Руси же сочинения нравоучительного характера касались проблем этикета лишь вскользь. Первое настоящее пособие по этикету появилось только в ходе петровских преобразований («Юности честное зерцало», 1717 г.). Пышный церемониал московского великокняжеского, а затем и царского двора был «привит» на русской почве последней византийской принцессой, женой Ивана III Софьей Палеолог. До этого источники не сохранили никаких свидетельств о какой-либо исключительной системе правил придворного обхождения. Это не означает, конечно, что этикета не было совсем. Но в данном случае важен факт незначительного к нему внимания и отсутствия «письменных пособий», показывающее, что нормы были в целом не очень сложны – запомнить и соблюдать их не составляло особого труда. Весьма сложной задачей является реконструкция военного этикета. Быть может, древней этикетной формулой начала поединка была известная рыцарственная фраза-предупреждение князя Святослава Игоревича: «Хочу на вы идти», судить об этом сложно. Впрочем, и в военной среде Древней Руси более важными считались этические, а не этикетные вопросы. Военной этике в древнерусской литературе уделяется немало внимания. Это тем более знаменательно, что известные нормы имеют по-видимому древнее дохристианское и догосударственное происхождение. Такова не раз повторенная на страницах древнерусских военных повестей моральная максима, согласно которой смерть в открытом бою предпочтительней «срама» поражения и плена.

Второй параграф посвящен анализу представлений о дружбе. Крепкая и искренняя дружба мыслилась сродни братским отношениям. В Древней Руси

осознавалась не только ценность дружбы, но все связанные с не сложности. Дать руководство для их преодоления были призваны рекомендации «Пчелы». Многие изречения превратились в известные пословицы.

Третий параграф посвящен месту и роли семьи в картине социального устройства. В домонгольский период семья еще только начинает выделяться в качестве структурной единицы. Большую роль продолжает играть родовая община – вервь. Однако роль семьи в этом плане, бесспорно, возрастала. Вопрос о соотношении больших патриархальных «многоядерных» и малых, «однойдерных» семей в Древней Руси XI – XIII вв. остается дискуссионным в науке до настоящего времени. Не вызывает, однако, больших сомнений, что в той или иной пропорции обе эти формы могли сосуществовать. Очевидно, выделение малых семей, разрастание их до уровня больших патриархальных, и снова раздел на малые – все это было постоянно продолжающимся, текущим процессом, в котором минимальной структурной общественно-психологической единицей с догосударственных времен была супружеская пара (муж и жена). Нормы брачной жизни весьма подробно представлены в Изборнике 1076 г., содержащего немало «Домостроевских» сюжетов.

Брачный возраст по современным меркам наступал рано. В послании митрополита Фотия новгородцам (XV в.) нижняя граница выдачи замуж для девочек определена - 12 лет . Судя по тому, что митрополит запрещает более раннее вступление в брак, случаи такие иногда происходили. В простонародной среде ранние браки были обусловлены хозяйственными нуждами – с появлением невестки в доме прибавлялись рабочие руки. Достаточно долгое время на Руси держались традиции многоженства. Вряд ли, однако, древнерусское многоженство среди рядовых мужей стоит представлять на манер восточного как содержание гаремов. Церкви, которая стремилась подчинить брачные отношения своему влиянию, одинаково трудно было мириться с многоженством и преодолеть эту древнюю традицию. Вставить на ригористические позиции было нельзя – это грозило потерей паствы и выпадением из сложившейся социальной практики, поэтому для окончательного утверждения моногамного церковного брака потребовалось не одно столетие.

В четвертом параграфе рассмотрены социо-культурные характеристики детства в Древней Руси: методы воспитания и стадии взросления. В параграфе показано, что детство в Древней Руси XI – XIII вв. вполне соответствует средневековой общеевропейской практике. Типологически и стадийно методы социализации на Руси мало чем отличались от тех, что использовались в Западной Европе. Суровая повседневность не исключала привязанности, теплоты и нежности в отношениях между детьми и родителями. Жесткие подчас способы ухода за потомством проистекали не столько из невнимания к потребностям маленького человека, сколько из особенностей бытовой и культурной среды. Родители уделяли воспитанию детей немало времени и сил, хотя часто родительская забота строилась не на рациональных, а на сакрально-магических мерах. Детство было короче и жестче, и этим средневековая эпоха существенно отличается от современной. В то же время продолжение рода

было главной и непререкаемой целью жизни подавляющей части населения. Высокая детская смертность снижала интерес к личности ребенка, но это искупалось высокой социальной престижностью материнства и отцовства как такового, и стремлением во что бы то ни стало оставить после себя потомство.

В пятом параграфе исследуются древнерусские представления о целях и методах образования, а также отношение к интеллектуальному труду. Представления о целях хорошего образования в древнерусском обществе значительно отличались от современных. В общественном сознании XI – XIII веков ценность знаний как таковых была очень невелика. Однако декларативный отказ от знаний не означал отказа от книжности, а следовательно и от умственной работы как таковой. Вопрос стоял лишь о её формах и целях. Собственно, позиция «антиинтеллектуализма» есть лишь направление идейного развития. Так или иначе, нужды государства и общества требовали культивирования профессионалов умственного труда, которые если сами себя таковыми и не считали, то фактически ими являлись. Конечная цель образования высшего порядка по древнерусским стандартам не столько овладение знаниями, сколько приобретение навыка понимания, истолкования фактов жизни и Святых книг, христианского мировоззрения. Таким образом, оно направлено на развитие философского мышления по типу присущей всему европейскому средневековью экзегезы. Именно для помощи в развитии этого навыка, для направления его в нужное русло и нужен был учитель-наставник.

В шестом параграфе исследуется древнерусская сексуальная культура и представления о любви и половой морали. В целом можно с достаточной степенью уверенности говорить о том, что сексуальная культура Древней Руси, по крайней мере, в своей простонародной составляющей, должна быть отнесена к просексуальным. В границах домонгольского периода старания церковных иерархов привести древнюю славянскую половую свободу в тесные рамки православной морали не увенчались успехом. Во всяком случае, до полного претворения в жизнь норм переводных византийских номоканонов было еще далеко. Пережитки догосударственной эпохи еще долго напоминали о себе сохранением обычая многоженства, либеральным отношением общества (в том числе и, по необходимости, духовенства) к добрачным и внебрачным сексуальным контактам.

Кроме того, нельзя не заметить, что общий строй половой морали на Руси был «мужским», то есть существовал двойной стандарт, в соответствии с которым мужчине в сексуальной сфере дозволялось гораздо больше, чем женщине, и отклонения от принятых (впрочем, как было уже сказано, довольно либеральных) норм имело для мужчины гораздо менее тяжелые последствия. Идейное оформление причин существования двойного стандарта было предельно простым: считалось, что женщина, вместилище таинственной силы полового влечения, гораздо более подвержена сластолюбию и в силу этого нормы поведения для нее должны быть строже. Мужчина обязан вводить поведение женщины в рамки. В реальности, конечно же, все было несколько сложнее. Действовал целый комплекс причин: во-первых, даже с элементарно-физиологической точки зрения несоблюдение моральных норм для женщины в

условиях отсутствия даже самых простых средств контрацепции может иметь гораздо более серьезные, «зримые» последствия. Во-вторых, следует обратить внимание на то, что в раннесредневековом мире наиболее распространенным средством решения всяческих проблем была физическая сила, а наиболее востребованными качествами (не только в межчеловеческих отношениях, но и в других сферах, таких как охота, путешествия, освоения новых территорий, и даже просто земледелие) агрессивность, напористость, мускульная сила. Это создало условия для иерархизации, при которой мужчина, обладатель всех вышеперечисленных качеств, получал главенствующее положение в обществе, а женщина, дополняя мужчину, вынуждена была все же подчиняться, т.к. в силу опять-таки естественных причин она в подавляющем большинстве уступает мужчине по своим физическим кондициям. В этой подчиненности, однако, не было ничего унижительного. Как было показано Н.Л.Пушкаревой, женщина в обществе Древней Руси занимала достаточно высокое положение. Ее правовой и имущественный статус не был принижен, а по ряду пунктов оказывался равным с мужским. Это была лишь форма иерархической организации общества.

Седьмой параграф освещает социально востребованные формы досуга: пиры, игры, охоту. Пиры и народные празднества имели глубокие корни в языческой эпохе и были важным общественным институтом, выполняющим функции социально регламентированного события, местом социально значимого общения, а не просто пустого времяпрепровождения. «Умение пить» долгое время было одним из богатырских качеств, человек способный много выпить и не потерять контроль над собой пользовался всеобщим уважением. Существовали формы досуга не связанные с пирами и народными гуляниями, индивидуальные, более спокойные. При раскопках кургана Черная Могила близ Чернигова были найдены более сотни бабок и бронзовые битки к ним, какие-то полусферические костяные фигурки с шариком на верху, тоже, очевидно предназначенные для игры, костяные брусочки, помеченные очками от одного до шести. Весьма популярна была игра в шахматы и в «мельницу». В официальной, «высокой» культуре большим уважением пользовалось чтение.

Распространенным развлечением была охота. Но развлечение это, как ни странно, тоже было делом серьезным, поскольку охотничьи подвиги были показателем боевой удачи не меньше, чем собственно военные походы, и требовали столько же сноровки, выносливости, выдержки и храбрости. Считалось, что охота позволяет молодому князю или боярину получить необходимые воинские навыки, и является в сущности одной из форм воспитания и «профессиональной» подготовки воина. Древнерусские источники позволяют считать, что в домонгольской Руси еще не сложилось четких представлений об аристократических и простонародных формах охоты. Князья и бояре использовали все ее виды.

Заключительный **восьмой параграф** посвящен представлениям о здоровье и болезнях. Медицина, средства поддержания здоровья и избавления от болезней в традиционном обществе мало подвержены социальной дифференциации. Принципиальное расхождение «народных» и

«профессиональных» методов лечения возникает сравнительно поздно: в древности и вождь и рядовой общинник располагали одним и тем же набором средств, обращались к одним и тем же врачам, в качестве которых часто оказывались представители культа. У человека из низов могло не хватить средств на чудодейственное средство, амулет или эликсир, которым «лечился» представитель элиты, но оба они одинаково верили в его чудодейственную силу.

Медицины как научно-практической дисциплины в современном значении этого слова не существовало, как не существовало науки в целом, но средневековая культура выработала свои представления о причинах заболеваний. В Древней Руси XI – XIII вв. мы видим следы двух традиций понимания патологических явлений. Для христианского мировосприятия было характерно восприятие болезней как изъятий, изначально присущих человеческой природе. Несколько по иному рассматривалась болезнь в язычестве и народном христианстве, являвшем собой смесь христианских и языческих представлений. Психология неискушенного в богословской премудрости жителя древнерусской волости не могла в полной мере проникнуться мыслью о том, что болезнь присуща человеческой природе изначально, и нет никаких доступных способов от нее избавиться. Проявить смирение и отказаться от попыток поправить здоровье тоже не всякому был под силу. Судя по тому, каким образом организовывалась «оборона» от болезней, принимая во внимание позднейшие этнографические данные, можно считать, что в рамках народных представлений болезни считались следствием враждебных действий внешних сверхъестественных сил, злых духов, чужих покойников («навьев»), бесов. Об удельном весе рационального и иррационального в традиционной медицине можно спорить, но сам факт сочетания в ней двух этих компонентов как в средневековье, так и в традиционной культуре русского крестьянства нового времени не вызывает сомнения.

В третьей главе – «Внешний мир: обретение этнокультурных ориентиров. «чужие – свои» – проанализированы представление о внешнем мире и месте в нем Руси. Картина общественного устройства осталась бы не завершенной без выяснения образа «чужих», относительно которых определялись рассмотренные в предыдущих главах «свои». Оппозиция «свои – чужие» является одной из базовых в человеческом сознании. С ее помощью новорожденный человек производит первую ориентацию в мире; в далекой древности противопоставление «своих» «чужим» послужило первым шагом к развитию самосознания вида *homo sapiens*. Историческое развитие человечества дает самые разнообразные примеры воплощения этой оппозиции в социальной психологии. Неповторимыми чертами своеобразия обладает образ внешнего мира, представления о «чужих», эпохи раннего русского средневековья.

Подобно тому, как объем понятия «свои» бывает разным в различных случаях – от своих домочадцев до жителей одной волости, точно так же

многомерно и представление о «чужих». Для ориентировки наметим три уровня восприятия этого понятия: 1) «чужие» – население других русских земель относительно своих сограждан; 2) «чужие» – иноплеменники, с которыми приходилось сталкиваться в реальной жизни; 3) «чужие» – полумифическое население дальних неведомых стран, о которых слышали от редких путешественников или читали.

Первый параграф – Свои «чужие». Вопрос об отношении к населению чужих земель-волостей тесно связан с проблемой осознания единства Руси. Как известно, в XII веке русские земли не составляли единого монолитного государства. В то же время, они не были абсолютно независимыми и невзаимосвязанными политическими образованиями. Поэтому и развитие идей относительно этого предмета носило двойственный характер. В общественном сознании существовали две противоречащие друг другу тенденции.

Одна из них является, по сути, отражением сепаратистских устремлений русских земель, стремящихся к самостоятельности. Другая проявлялась в активно пропагандировавшейся идее единения русских земель. Будучи оформлена через понятие братской/божественной любви, она вошла в арсенал самых актуальных идеологических конструкций Древней Руси. Каждая волость выступала на исторической арене в виде своеобразной коллективной личности. Общественное сознание наделяло такую «личность» определенным характером. Естественно, враждебной волости склонны были приписывать отрицательные черты, себе – положительные. Это свидетельствует о наличии достаточно высокого уровня группового самосознания. В качестве «коллективных личностей» городские волости сменили в общественной психологии древние племена.

Второй параграф – «Иноземцы и представления о населенном мире». В параграфе рассмотрен следующий уровень исследуемой оппозиции «свои-чужие», который включает в себе противопоставление Русской земли иноплеменникам. Он актуализировался в тех случаях, когда населению Руси приходилось сталкиваться с иноэтничной средой. Это происходило в случае масштабной военной угрозы со стороны, например, кочевников. Или в далеком путешествии, когда человек, оказавшись в чужом краю, начинал осознавать себя не просто новгородцем или киевлянином, а русским.

Источником представлений об иноплеменниках были как собственный опыт общения, так и литературные произведения. Вполне реалистические сведения соседствовали с мифом. С одной стороны – греки, половцы, варяги. С другой – амазонки, гилийцы, индийцы (представления о которых в XI – XIII вв. у русских были весьма неправдоподобны). В чужаках склонны были видеть не совсем людей. Им приписывали различные сверхчеловеческие способности, например, колдовские. Чем более отдаленно живет тот или иной народ, тем сильнее проступает в его образе черты мифологического, сакрального. Сильнее всего смешение сфер реального и сакрального, земного и божественного наблюдается на окраине известной русскому человеку ойкумены. Там средневековое сознание помещало «чудесные» страны: Рай, Индию; и «чудовищные» народы.

Отношение к чужестранцам часто было настороженным. В то же время древнерусское общество отличалось открытостью межэтническим контактам и обширностью международных связей. Это свидетельствует об определенной двойственности восприятия, которая в дальнейшем, в эпоху Московской Руси, сменяется однозначно отрицательным отношением к иностранцам, проявившемся в закрытости общества иностранным влияниям, потерей интереса к международной политике и снижением влияния России на международной арене.

Третий параграф – «Осмысление феномена Руси в древнерусской книжной культуре XI – XII вв.» Самосознание Руси складывалось в понятиях и терминах существенно отличавшихся от тех, которыми оперирует современная наука. Слов «государство» и «народ» не было в идейном инструментарии летописца. Он конструировал представление о новой общественно-исторической общности в рамках своей терминологической системы. Ведущим для понимания места и роли Руси в мировом сообществе было понятие «земля/страна». Характеристиками этого понятия объясняется вся архитектура концепции Руси в «Повести временных лет». Происхождение от Иафета, славянский язык и грамота, название и княжеская династия от пришлых варягов-руси, включенность в христианский мир – вот координаты, описывающие положение Русской земли среди других стран в Повести временных лет.

В **четвертом параграфе** – «Византийская иерархия государств и идея империи» – рассмотрено существовавшее на Руси отношение к византийской иерархии государств и к идее супрематии императора. Как показано в параграфе, оно было безразличным и неопределенным. Не возражая по существу, древнерусские мыслители и политические деятели мало уделяли внимания греческим теориям на этот счет, а больше были заняты конструированием своего собственного идеологического материала, который бы помог придать молодой Руси вид и статус славной и значительной державы. Элементы византийской системы использовались лишь как детали конструктора.

Пятый параграф – «Монголо-татарское нашествие: первая реакция и долговременные последствия». Монголо-татарское нашествие нанесло серьезный урон Руси. Но, оправившись от первоначальной растерянности и боли, страна двинулась по пути межкультурного синтеза, который позволил ей усвоить наиболее ценное из социального и политического опыта соседа-завоевателя. Проявляя гибкость, Русь сама смогла стать до некоторой степени татарской. Это в конечном итоге стало основой обретения независимости и дало импульс для дальнейшего развития. Залогом культурной подвижности стали развитые качества толерантности, присущие русской культуре изначально. Несмотря на очевидную специфику периодов, процесс славяно-тюркского синтеза может рассматриваться как единый процесс, продолжавшийся с момента зарождения славянских народов и до XVII в.

Шестой параграф – «Древняя Русь и финно-угорские народы» – посвящен исследованию положения, которое занимали в картине мира Древней

Руси финно-угорские народы. Формы взаимодействия Руси и финно-угорских народов поддаются реконструкции гораздо сложнее. Структурно влияние финно-угорской культуры на русскую напоминает влияние культуры восточной/татарской/исламской. Сходство заключается в том, что влияния эти в обоих случаях касаются тех областей культуры, которые находятся вне внимания идеологов, вне сферы рефлексии интеллектуальной элиты. Несмотря на то, что проблема эта еще далека от полного разрешения, можно считать, что восточноевропейские финны приняли большое участие в этногенезе как восточных групп древнерусского, так и великорусского народов.

Четвертая глава – «Сверхъестественное в картине мира». Картина мира человека Древней Руси, как и в целом средневековой Европы, была пронизана сверхъестественными мотивами. Они настолько тесно вплетались в ткань его представлений о мироздании, политической и частной жизни, природе и общественном устройстве, что выделить их для отдельного рассмотрения часто невозможно, да и не нужно. Без обращения к фактам связанным с религиозными воззрениями эпохи раннего русского средневековья невозможно было бы понять ни особенностей образа князя в системе потестарных отношений, ни механизмов функционирования средневековой медицины, ни географических воззрений и т.д.

Тем не менее, наличие раздела, специально посвященного изучению сверхъестественного в картине мира человека Древней Руси необходимо. Во-первых, потому, что религиозность – это особая сфера культуры, связанная со многими сторонами жизни общества, но не сводящаяся к ним, самостоятельная. Поэтому есть основания полагать, что концентрация на ней специального внимания может оказаться вполне перспективной: существуют явления, которые удобнее выделить в особый предмет рассмотрения. Во-вторых, вопрос о вере был принципиальным для самого средневекового человека.

Совершенно очевидно, что в целом история религии Древней Руси изучена уже очень хорошо. Существуют как монографические исследования по отдельным вопросам, так и обобщающие труды, в которых древнерусская вера рассматривается и с богословской, и с исторической, и с культурологической точек зрения. Вместе с тем, до сих пор недостаточно изученными остаются те стороны средневековой религиозности, которые лежали в плоскости обыденного мировосприятия, не вполне рефлектируемых поведенческих и эмоциональных стереотипов, в той части общественного сознания, которая конструирует мир без логически обоснованных и теоретически осмысленных связей.

Первый параграф – «Чудеса и знамения». Восприятие мира средневековым человеком имело множество особенностей. Одной из них (может быть, одной из основополагающих) было отсутствие строгого противопоставления мира божественного и земного. Сферы эти находились во взаимном непосредственном контакте. Сверхъестественное буквально пронизывало повседневность и проникало во все сферы жизни. В его возможность верили, о нем помнили, и поступки совершали с пониманием того,

что повседневной жизни в любой момент может встретиться нечто чудесное, неподвластное законам обыденного существования. В понимании чуда человеком Древней Руси можно выделить следующие характерные черты: Итак, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Чудесное – неотъемлемая часть картины мира человека раннего русского средневековья. Общественному сознанию населения Древней Руси была характерна психологическая открытость к восприятию сверхъестественного, постоянная настроенность на чудо, готовность уверовать. Это явление может быть также определено как сниженная (по сравнению с современным человеком) критичность по отношению к сверхъестественным объяснениям явлений окружающего мира.

2. Для вычленения чуда из общего потока событий повседневной жизни необходим был определенный интеллектуальный навык, который, как правило, являлся результатом специальной подготовки, дававшей идейным вождям общества (первоначально языческим жрецам, а затем, после долгой борьбы, православному духовенству) мощное оружие идеологического воздействия на умы и сознание общества. В качестве «теоретической базы» истолкования чудес русскими книжниками широко использовались переводные сочинения византийских авторов.

3. Апелляция к «чуду», «знамению» имела в древнерусской литературе (а значит, надо полагать, и в сознании) значение показателя неслучайности, мистической предопределенности, предначертанности связанного с чудом или знамением события. Если те или иные события, человек или предмет обнаруживали связь с высшей мистической реальностью, они, тем самым, входили в разряд явлений первого порядка, узловых элементов мироздания. В литературе отчетливо определяется стремление связать важнейшие факты «земной» (политической, культурной и пр.) жизни с действием высших сил, выстроить взаимосвязь между миром божественным и человеческим.

4. Использование сверхъестественных мотивов в качестве идеологического оружия в политической борьбе не отменяло, однако, веры самих идеологов в чудо. Для нужд «идейного фронта» чудеса не выдумывались, а нужным образом истолковывались. Трактовка выгодная становилась трактовкой правильной.

5. Постоянная готовность к восприятию чуда имела вполне определенную функцию в общественном сознании: это была ниша для «укладывания» в общую картину мира фактов, необъяснимых с позиции тривиального житейского опыта.

6. Большую роль в восприятии некоего явления как чуда или знамения большую роль играло общественное настроение, создававшее в каждой конкретной ситуации более или менее благоприятные для этого условия.

Во **втором параграфе** исследуется отношение к духовенству и церкви. В церковной практике XI – XIII вв. было не только много языческих элементов, но и просто мирских, что естественно, так как церковь была не только религиозной организацией, но и хозяйственной. Наличие у церкви сел и рабов

превращало ее в «хозяйствующего субъекта», в орбиту которого оказывалось включено довольно много народу. И подчас, вторичные хозяйственные функции перевешивали в глазах рядового человека все остальные. Работа на монахов в поле, торговые операции, которые вели с ними горожане и жители сел способствовали снижению сакрального авторитета. Решить проблему недостатка уважения со стороны населения церковь пыталась двумя способами.

Во-первых, с самых первых лет своего развития на Руси духовенство начало планомерную работу по внедрению церковных порядков в ткань повседневной жизни населения. Первоначально этой работой были охвачены верхи общества – князья и бояре. Затем, когда среди элиты нужные порядки закрепились, настал черед рядовых жителей древнерусской волости. Подобно тому, как глубокое культурное взаимодействие с соседними народами легче всего устанавливалось на уровне простейших форм бытового уклада, так и христианство проникало в самые глубокие слои коллективного сознания через закрепление в структуре повседневной жизни. Узловые моменты развития человека, будучи взяты под контроль духовенством, надежно привязывали его к церкви. Особое отношение к ритуалу, отмечаемое многими исследователями как отличительная черта средневековой русской религиозности является, как можно предполагать, результатом вполне целенаправленной деятельности духовенства. Это был тактический прием, выработанный веками развития христианства и используемый повсеместно в миссионерской деятельности. Интеллектуальная составляющая православного канона (догматы), требовала рационального восприятия, и значит, могла быть подвергнута критике. В отличие догмата в ритуале смысл вторичен. И если только ритуал становится привычным – его сакральная нагрузка начинает автоматически расти с годами. Чем древнее обычай, тем он более уважаем. В течение X – XIII вв. православной церкви удалось преодолеть барьер отторжения – христианство смогло пустить самые крепкие корни, какие только были возможны – корни в бытовую сферу.

Вторым, не менее значимым способом, укрепления позиций в коллективном сознании древнерусского населения было встраивание церкви в систему управления. Картину «подхватывания» духовной властью части функций власти светской дают церковные княжеские уставы, согласно которым митрополиту и епископам передавались полномочия вести расследования и судить дела, имеющие отношения к таким деликатным сферам как женская и девичья честь, сексуальные преступления, внутрисемейные отношения, волхование.

В обыденной жизни человек мог относиться к своему приходскому священнику или монахам расположенного поблизости монастыря критически и даже с юмором, но у духовенства были действенные способы предотвратить его полное выпадение из церковной жизни.

Третий параграф посвящен рассмотрению концепции «мирского благочестия». Среди общественных представлений, развитых русскими книжниками до высоты идеологических концепций в «Поучении» Владимира Мономаха нашла отражение идея, которую можно назвать теорией мирского

благочестия или теорией «малых дел». Суть ее заключается в том, что для того чтобы добиться Божественной милости нужно, в сущности, совсем не много: в повседневном быту человек должен соблюдать некоторые достаточно простые правила. Эти правила настолько легкие, что никакие отговорки и ссылки на слабость и несовершенство человеческой природы уже не принимаются. Человек в XI – XII веке, в отличие от человека позднего средневековья, по-видимому, не ждал кары с вышнего за прегрешения, связанные с формальной стороной культа. Он исходил из того, что «Бог милостив». Этим объясняется и многоженство, и нечастое посещение церкви, и неурочное «ядение мяса», по поводу которого велось немало споров, разрешившихся не в пользу строгих блюстителей канонического порядка. Тем не менее, в тех случаях, когда дело касалось вопросов принципиальных для совести, древнерусскому сознанию было свойственно облекать моральные нормы в религиозную форму. Глубина проникновения христианства не была еще достаточно для того, чтобы несоответствия поведения некоторым отвлеченным церковным предписаниям воспринимались как грех, но вполне достаточно, чтобы традиционно негативные явления, такие как вражда, предательство, кровопролитие порицались именно с религиозных позиций. Примером тому, теория «казней Божьих», сферой применения которой были, прежде всего, дела мирские.

Четвертый параграф посвящен представлению о ведьмах и колдунах в картине мира человека Древней Руси, а также обусловленным этими представлениями способам борьбы с ними. Вера в сверхъестественные способности ведьм и колдунов достаточно прочно и долго держалась на Руси. Успехи церкви, расширение влияния духовенства, утверждение православной идеологии в общественном сознании и христианских норм в быту мало повлияли на эту сферу религиозных представлений древнерусского человека. Христианская идея о решающем значении Божьей воли в земной жизни с трудом пробивала себе дорогу. Сложно было отказаться от представления о возможности магического влияния иных волей – слишком абстрактен был христианский монотеизм для вчерашнего язычника. Это не удивительно – еще С.А.Токарев отмечал чрезвычайную жизнеспособность и устойчивость магии, «влияющей на сознание людей всех эпох, от палеолита до наших дней».

Особенность борьбы против волхвов заключалась в том, что для достижения успеха в ней одних репрессивных акций было недостаточно, необходима была, прежде всего, идейная победа. Для этого использовались различные методы.

Русская церковь оперировала словом. Бороться приходилось не только с верой народа в магические силы колдунов и ведьм, но и с самими «колдунами» и «ведьмами», когда они начинали проявлять особенную активность. В критической ситуации в дело вступали светские власти. На Руси (в отличие от Западной Европы) именно светская власть оказывается в авангарде борьбы против носителей «магической силы». Причину этого можно предполагать в особом отношении к силе и власти, которые в глазах всего населения были окружены ореолом священности. Как показывает имеющийся материал, выступления волхвов как правило сопровождались народными волнениями и,

следовательно, спор о вере автоматически превращался в спор о господстве.

С менее влиятельными колдунами общинники, у которых возникали сомнения в отношении благотворности их магической деятельности, «разбирались» своими силами. Весьма распространенным, по-видимому, был обычай испытания водой – один из способов борьбы населения против вредоносной магии.

В пятом параграфе – «Волшебные» предметы – рассмотрена важная и характерная черта средневековой религиозности – широкое распространение веры в магические свойства материальных предметов. Как и вера в колдовство это явление досталось в наследство средневековью от эпохи более ранней. Истоки его лежат в первобытном фетишизме, который получил распространение во всех религиозных системах по всему миру. Не были исключением и древние славяне. Они «поклонялись камням необычной формы, рекам, озерам, колодцам, рощам и отдельным деревьям».

С принятием христианства древние формы почитания предметов ушли в прошлое, оставив, однако немало следов в религиозной сфере населения средневековой Руси. Проявлялось это и в некоторых формах православного культа (где элементы фетишизма существовали изначально), и в особенностях религиозной психологии. Если современный человек понимает святость и священную силу прежде всего как абстрактное морально-религиозное состояние, то сознанию человека эпохи раннего средневековья необходимо было облечь сакральную энергию в зримые формы, которые бы дали возможность оперировать ею в повседневной жизни как любой другой ценностью.

Поэтому мир человека Древней Руси был наполнен «волшебными» предметами разного назначения и разной «мощности». Эти вещи служили своего рода аккумуляторами магической силы. Очевидно, что представление о магических орудиях было продолжением представлений об орудиях и оружии обыкновенном. Разница была лишь в том, что «обыкновенные» орудия давали дополнительные средства для достижения целей в мире профанном, а «волшебные» – в тех сверхъестественных сферах, которые, пронизывая жизненное пространство, незримо влияют на жизнь человека. Часто «волшебная» составляющая дополняла прагматическую. Таково, например, было «волшебное» оружие. Магия в древности, в том числе и у славян, была орудием ведения боевых действий ничуть не менее важным, чем «настоящее» оружие. Богатой вещами со сверхъестественными функциями была и повседневная мирная жизнь. Человек старался уберечь себя от различных напастей, окружая себя амулетами – защитными оберегами. В поучениях против язычества и двоеверия постоянно встречаются упреки пастве в использовании «наузов». В качестве «волшебных предметов» воспринимались в Древней Руси и нательные кресты, и иконы. Иконы, просфоры и вино причастия, гробницы святых и сами церковные постройки «излучали» магическую силу. Средневековый человек не прочь был ею пользоваться ею в своих интересах. Часто это происходило совсем не по тем сценариям, которые были заготовлены христианской обрядностью.

Шестой параграф посвящен рассмотрению способов гаданий и предсказаний будущего в Древней Руси. Официальная церковная доктрина рисует будущее лишь в самых общих чертах. Речь идет о грядущем втором пришествии Христа и перспективе Страшного Суда, и не более того. Относительно более мелких событий христиане исходят из того, что «пути Господни неисповедимы». Поэтому когда возникала необходимость узнать что-нибудь более интимное, человек «опускался» в низовые страты культуры, туда, где господствовало так называемое «народное православие», именовавшееся современниками «двоеверием». Ответ приходилось искать в сферах, где ортодоксальный культ тесно переплетался с реликтами древнего славянского язычества и элементами античной мифологии, пришедшими на Русь вместе с христианской книжностью. Самые первые свидетельства о религии славян, которые содержатся в греческих, латиноязычных и древних славянских источниках упоминают гадание как ее неперемнную составную часть. Умение предсказывать будущее считалось одной из главных функций славянских волхвов. Само слово «волхование», «ворожба» имеет два основных значения – это и магия, то есть стремление «влиять сверхъестественным образом на тот или иной материальный предмет или явление», это и гадание, предвидение, то есть стремление «заглянуть за пределы доступного человеку знания, за временные границы и угадать судьбу, будущее».

От того, насколько верными были предсказания, во многом зависело реноме кудесника. Умение предсказывать будущее – пробный камень мастерства волшебника. Представление о том, что будущее уже существует в латентном виде, но поддается влиянию из настоящего, было присуще религии славян с глубокой древности. Такая мировоззренческая конструкция является благодатнейшей почвой для развития веры в гадание и предсказания (о которых, как было сказано выше, Прокопий также упоминает). Они мыслятся возможными и, что особенно важно, практически полезными – с их помощью можно выбрать верную линию поведения. Преодолеть эту веру на Руси не могло и крещение. Дохристианские представления о возможности предсказания будущего сохранялись в общественном сознании населения Древней Руси, продолжая оказывать влияние как на простонародную культуру (где они были законсервированы, и дошли до наших дней), так и на культуру официальную, которой были охвачены образованные слои. Воздействуя на мировоззрение книжного населения, местные языческие традиции актуализировали античные (тоже по сути языческие) элементы официального православия, способствуя созданию новых способов гадания и предсказания будущего, в которых ортодоксальные элементы соединялись в оригинальных сочетаниях. Основой долгого сохранения гаданий в русской культуре стало изначальное вера славян в то, что предуготовленное высшими силами будущее можно узнать и при счастливом стечении обстоятельств, а также при известной осторожности – изменить.

Заключительный седьмой параграф посвящен исследованию города как сакрального пространства. В параграфе показано, что сакральные элементы в древнерусском представлении о городе были весьма многообразны. В

общественном сознании, если рассматривать его как цельный текст, содержались и фрагменты византийской по происхождению идеи о повторении в образе города черт Иерусалима, и местные языческие поверья, связанные с магической защитой ворот, стен и особой ролью святилища, составляющего сакральный центр города. Актуализация тех или иных фрагментов в повседневной практике была обусловлена степенью книжной образованности и конкретными политическими и религиозными целями, которые ставил перед собой человек, взявшийся рассуждать на эту тему. Говорить о том, что для Древней Руси характерно только какое-нибудь одно звено из весьма пестрой цепочки представлений (только библейско-византийское *retranslatio Hierosolymi*, или только языческая апотропейная символика) было бы неверно. Уже в XI – XII вв. сложилась неразделимая смесь представлений, которые затем были развиты в эпоху Московской Руси и стали основой для становления различных идейных конструкторов (например, Москва – Третий Рим).

В **заключении** подводятся итоги работы, делаются обобщения и выводы. Структура работы предусматривает многоуровневое исследование социального мировоззрения человека Древней Руси: город, микрогруппа, внешний мир, сверхъестественные силы.

В каждой из глав работы доминирует своя, определяющая идея.

При рассмотрении социально-политических реалий древнерусского города-государства основной задачей было воссоздать картину общественного устройства, как она представлялась человеку, в ней живущему (взгляд изнутри). Трудность поставленной задачи во многом была обусловлена тем, что даже в элитной образованной среде в древнерусские времена не было выработано цельного и четко выраженного взгляда на общественное устройство. В отличие от своих западных коллег средневековые русские книжники не уделяли этому вопросу сколько-нибудь серьезного внимания.

Хотя, парадоксальным образом, эта же досадная на первый взгляд особенность имела и положительное значение: отсутствие ученых трактатов на темы социальной структуры позволило сохранить сознание летописцев (являющееся для нас, людей XXI в. «полномочными представителями» средневековой эпохи) в почти девственной простоте. Таким образом, фактически нивелирована оказалась разница картины мира на разных полюсах социальной лестницы: несмотря на отличие «ракурса обзора» и обычный горожанин и монах-летописец представляли общество, в котором жили фактически одинаково. Представления и того и другого уходили корнями в гущу повседневной жизни, а не к теоретическим построениям. И, следовательно, к их взглядам можно было применить одни и те же методы работы: анализ поведенческих шаблонов и речевых клише. Особенно ценными для воссоздания картины социального устройства оказались клишированные обращения, используемые летописцем: «Придите вси мужи вкупе и жены, попови и людье, и мниси, и бельци, богати и убозни, домашни и пришельци...». В этом обращении хорошо видна бинарная структура социальной логики человека древней Руси.

Особенно интересным и неожиданным оказалось отношение человека Древней Руси к такому многоплановому явлению как рабство. С одной стороны, несомненно, рабское положение на Руси (как и во всем остальном мире) рассматривалось как бедственное и позорное. Но с другой стороны, если сравнивать с западноевропейским материалом, древнерусское рабство выглядит намного мягче: рабское прошлое не горит несмываемым клеймом на происхождении и судьбе человека. Границы между свободными и рабами оказываются весьма размыты. Древнерусский раб, если мерить его мерками его эпохи, не существо иного «низкого» рода, а, скорее, неудачник, которому, в принципе, может когда-нибудь еще и повезти. Именно так смотрит на рабское состояние, например, Даниил Заточник. Известно, что «Слово» Даниила Заточника – компилятивное произведение, составленное почти целиком из цитат. Это, однако, не означает, что содержащиеся в нем реалии совершенно не имеют отношения к древнерусской действительности, поскольку, несмотря на то, что элементы получившегося «коллажа» имеют явно инокультурный источник, но конечное произведение, «режиссура» их сочетаемости – бесспорно русская. А значит, смысловая нагрузка «Слова» не сводима к сумме цитат.

Много внимания в работе уделено анализу представлений о власти. Методологическим образцом в данном случае служили работы не только историков-русистов, но и представителей отечественной школы потестарной этнографии. Причем, как на социально-психологическом, так на идеологическом уровнях. Древнерусские политические теории к настоящему времени уже очень хорошо изучены. Давно и хорошо известно, что древнерусская идеологическая система является дочерним образованием, во многом зависимым от византийского наследия. Поэтому автора привлекало, прежде всего, исследование ментальной «подоплеки» в процессе культурной трансляции.

Русь черпала из византийского источника очень избирательно. Какие-то элементы быстро усваивались, а какие-то на долгие столетия оказывались не востребованными. Подражая Константинополю в архитектурном убранстве Киева, князь Ярослав Мудрый, однако, удержался от использования в повседневной административной практике своего греческого имени (хотя это было много проще, чем выстроить Софийский собор). Древнерусские представления о власти на протяжении всего изучаемого периода оставались в основе своей местными. Византийские же идеологемы использовались только для украшения и придания «православной» стилистики. Это была система с местными «несущими конструкциями» и привозным византийским «декором». «Накладные византийские пилястры» не должны помешать нам разглядеть в основе здания традиционный «восточнославянский сруб». В представлениях о власти XI – XIII в. сохранялось еще очень много пережитков предыдущей родовой эпохи: князь почитался сверхъестественной, почти магической фигурой, самым фактом своего присутствия уже обеспечивающий благополучие, победу и процветание своему городу. Представления о «хорошем князе» в корне отличались от современных ему представлений о

«хорошем императоре». Большую роль по-прежнему в осуществлении властных полномочий играло вече. И даже вполне ортодоксальные идеи приобретали на Руси свой особый, узнаваемый колорит (святость, любовь как братолюбие, теория казней Божьих и пр.)

Главной идеей главы, посвященной реконструкции бытовой повседневности и бытия, микрогруппы стала идея своеобразной «виртуальной» этнографической экспедиции в древнерусский город. То есть, для анализа и организации исторического материала была использована этнографическая исследовательская парадигма (прежде всего, система описания). Сделано это было впервые в отечественной науке. Результат может показаться спорным, но автору хотелось бы верить в познавательную ценность произведенного им опыта.

Древнерусская семья предстала в переплетении насущных проблем и ежедневных форм деятельности: сексуальная жизнь, рождение и воспитание детей, этикет и формы проведения досуга, заботы о здоровье, образование и интеллектуальный труд. Это глава, для итога которой менее всего подходит понятие «вывод». Поскольку главная ценность ее в конкретных деталях, более всего передающих живую ткань ушедшей жизни. Уникальное киевское графитто или строчка из епитимийника больше скажет о сексуальной жизни человека Древней Руси, чем логическое построение. Берестяные грамоты новгородского мальчика Онфима больше дадут для понимания методики воспитания и обучения, чем формализованный «вывод». Впрочем, совсем без обобщений научная работа, конечно, обойтись не может. Но характер материала допускает только весьма дискретные конкретные дедукции: о наличии «двойных стандартов» в сексуальной культуре, о сочетании рационального и мистического в средневековой медицине и пр.

В главе об образе чужих в русской культуре рассматривается несколько уровней этого понятия: от «чужих» жителей соседних городов до «чужих» народов, живущих «на конец земля». Каждый блок информации позволял выйти на весьма широкий круг проблематики: от оценки степени интеграции русских земель до проблем культурной рецепции и трансформации.

Изложенный материал может служить дополнительным подтверждением взглядов конструктивистов на искусственную природу этничности: идентичность, которую мы бы сейчас назвали этнической в сознании средневекового человека в чистом виде выделить практически невозможно. Она выступает в гораздо большей, чем сейчас зависимости от идентичности религиозной и государственной. Для осмысления больших общностей использовался совершенно особый понятийный аппарат. Поэтому однозначно решить, чем же являлась Русь в эпоху раннего средневековья, используя термины современной науки, практически невозможно. Так или иначе, результат перекодировки будет содержать в себе неизбежные искажения, поскольку даже одинаково звучащие термины не дадут совсем другие значения. Древнерусские книжники оперировали своеобразным термином земля (или, если речь шла о чужой земле, то – страна). Это широкое понятие, в котором было интегрировано представление о территории, объединяющей

некую человеческую общность, со своими жизненными устоями, нравами, обычаями и властью в современном языке используется нечасто, и, как правило, в художественном, а ненаучном дискурсе.

Особенно интересным в ходе работы казалось рассмотреть монголо-татарское нашествие как эпоху завершения «Киевской» эпохи, время слома устоявшихся культурных стереотипов, поскольку многие характеристики системы становятся понятны только после ее разрушения. Одно лишь «Слово о погибели земли русской» может не меньше дать для понимания образа Руси в глазах средневекового человека, чем ПВЛ. Активная культурная трансформация, которая впоследствии привела к формированию «Московской» Руси стала ярким показателем жизненной активности молодого народа, готового не только к борьбе и гибели, но и к исполнению тяжелой работы по приспособлению к новым, стремительно меняющимся условиям.

Результатом исторического пути русского народа стало развитие качеств толерантности и открытости культурным влияниям, которые действовали, не размывая глубинной идентичности.

В главе о сверхъестественном анализировался самый последний, «внешний» круг в картине мира человека Древней Руси. Причем основным объектом рассмотрения стали разнообразные формы повседневной религиозности, которыми была пронизана будничная жизнь простых горожан. В центре внимания были не столько концепции (хотя и о них речь тоже идет), сколько явления ментального характера: культурные и социально-психологические механизмы поддержания веры в чудеса, в ведьм и колдунов, в магию.

Поскольку формы «низкой» религиозности не нашли полного отражения в письменных источниках, для работы пришлось привлекать сравнительный материал других культур или эпох. Многочисленные свидетельства о культе сакральных мечей в Древней Руси удачно дополняется и во многом проясняется аналогичными фактами из скандинавских материалов, а методы «домашнего» волхования, о которых говорится в раннесредневековых княжеских уставах и епитимийниках находят ясные параллели в отчетах этнографических наблюдений XIX в.

Непростой задачей при исследовании повседневной религиозности является дифференциация местных славянских (языческих в своей основе), византийских христианских и византийских же языческих элементов в общем строе мировоззрения. Особенно плотное переплетение всех названных частей находим мы в представлениях о «сакральном граде» существовавших в Древней Руси. В древнерусском образе священного города присутствуют элементы как византийской «иерусалимской» традиции, так и древнеславянские представления о «своем» окультуренном пространстве, защищающем человека от враждебного «чуждого» хаоса. Степень сакрализации внутреннего пространства города также была неоднородной: наиболее «насыщенными» святостью были центр и граница, очерченная городскими укреплениями. И если в сакрализации центра большую роль играл кафедральный городской храм (а значит и вполне ортодоксальная византийская

система взглядов), то в сакрализации стен и ворот сильна была местная славянская традиция.

Следует еще раз обратить внимание читателя на то, что изучение религиозного мировосприятия, да и сознания человека Древней Руси в целом, в настоящей работе было направлено не столько на более углубленную разработку отдельных вопросов традиционно стоящих перед исследователями средневекового общества, сколько на увеличение числа подходов, с которых может быть разобран знакомый материал. Цель заключалась в том, чтобы выработать как можно более объемный взгляд на то, как люди воспринимали мир во всем многообразии бытовых и сакральных элементов. Была предпринята попытка увеличения разнообразия «вопросов к источникам», которые согласно антропологически ориентированной методологии Школы «Анналов» являются первым шагом к его анализу.

В последовательности избранных ракурсов принципиальна их разнонаправленность, определенная случайность выбора панорамных обзоров, имитирующая стихийно складывающееся представление путешественника о чужой стране. Только увеличение числа точек наблюдения может позволить построить наиболее верную линию, описывающую сложную структуру средневековой религиозности, в которой некритичное восприятие «чудес», ожидание сверхъестественного, сочеталась с удивительным рационализмом, доходящим до скептицизма «здравым смыслом». Поднимающееся до пределов человеческих возможностей аскетическое служение сосуществовало с набором незамысловатых правил, которые позволяли рядовой массе жить в полном мире со своей совестью. Интеллектуальный блеск ученых книжников соседствовал с алогичными и примитивным набором понятий «простецов». Все эти крайности необходимо учитывать. Если составить суждение, рассмотрев явление с одной только стороны, ошибка неизбежна. Относиться к человеку средневековья как к законченному не знающему сомнений мистiku так же неверно, как представлять его точной копией нашего рационалистически мыслящего современника. Чем больше точек, тем более верным будет график. Человеческое сознание не может быть описано при помощи простейших фигур – в нем много весьма причудливых извивов, уследить за которыми – обязанность историка. И конца в этом пути нет. Дальнейшие исследования обязательно вскроют узлы и противоречия незаметные на сегодняшний день, и распутывание их в конечном итоге также будет в направлении конкретизации наших знаний о прошлом.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Долгов В.В. Историческая и психологическая составляющие исторической психологии // Тезисы докладов Республиканской научно-практической конференции «Исторический факультет: история, современное состояние и перспективы» / Под ред. Т.Н.Ефремовой. Ижевск: Издательство Удмуртского государственного университета, 1996. С. 67 – 69.
2. Долгов В.В. Значение брака в сознании населения Древней Руси // Тезисы докладов 3-й Российской университетско-академической конференции. Ч. 1. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1997. С. 31 – 32.
3. Долгов В.В. «Концепция братолюбия» в древнерусском политическом сознании XII – XIII вв. // Государство и общество: проблемы федерализма и самоуправления: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 14 – 15 января 1999 г. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1999. С. 14 – 17.
4. Долгов В.В. «Концепция братолюбия» в политическом сознании Древней Руси // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. 1999 № 1. С. 134 – 141.
5. Долгов В.В. Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI – XIII веков. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет». 1999. 250 с.
6. Долгов В.В. Образование в Древней Руси XI – XIII вв. // Тезисы докладов 4-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 1. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1999. С. 31 – 33.
7. Долгов В.В. Государство и общество: проблемы федерализма и самоуправления. О конференции в Ижевске 14 – 15 января 1999 года // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. 1999 № 2. С.211 – 213. (В соавторстве с В.В.Белосудовым)
8. Долгов В.В. Представления о нормах половой морали в общественном сознании Древней Руси XI – XIII веков // Вестник удмуртского университета. 1999. № 7. С. 29 – 37.
9. Долгов В.В. «Быт и нравы» как предмет исторического исследования // Тезисы докладов Российской научно-практической конференции «Этнический фактор и политика. История и современность». Ижевск. 3 – 4 марта 2000 г. /Отв. ред. М.Ю.Малышев. Ижевск, Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. С. 39 – 41.
10. Долгов В.В. Борьба с ведьмами и колдунами в Древней Руси XII – XIII вв. // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 2. / Ответственный редактор В.А.Журавлев, С.С.Савинский, Ижевск, 2001. С. 25 – 28.
11. Долгов В.В. О восприятии образа князя в свете воззрений на власть в общественном сознании Древней Руси XI – XIII вв. // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика. Материалы

- всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 24–26 апреля 2001 года / Отв. ред. В.В.Пузанов. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. С. 31 – 37.
12. Долгов В.В. Чудеса и знамения в Древней Руси X – XIII вв. // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова / Отв. редактор В.В. Пузанов. СПб.–Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 2001. С. 97 – 113.
13. Долгов В.В. К 65-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова / Отв. редактор В.В. Пузанов. СПб.–Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 2001. С. 3 – 16. (в соавторстве)
14. Долгов В.В. О возможности использования переводных произведений для реконструкции общественного сознания Древней Руси XI – XIII вв. // Государство и общество. История. Экономика. Политика. Право. 2001. № 1. С. 192 – 197.
15. Долгов В.В. Византийская иерархия государств и идея империи в политической идеологии Древней Руси XI – XIII вв. // Государство и общество. История. Экономика. Политика. Право. 2002. № 1. С. 209 – 215.
16. Долгов В.В. Любовь, сексуальность и половая мораль в Древней Руси XI—XIII вв. // Соціум. Альманах соціальної історії / Головний редактор В.Смолій. — Вип.1. — Київ: Інститут історії України, 2002. — 253 С.— С.205—215.
17. Долгов В.В. К проблеме славяно-финского синтеза в процессе становления и развития русской культуры // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы международной научной конференции. К 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2002. С. 410 – 415.
18. Долгов В.В. Осмысление феномена Руси в древнерусской книжной культуре XI – XII вв. (На материалах Повести временных лет) // Мавродинские чтения / Под ред. Ю.В. Кривошеева, М.В. Ходякова. СПб., 2002. С. 34 – 38.
19. Долгов В.В. К вопросу о «этнографической терминологии» «Повести временных лет» // Этнос – Культура – Человек: Сб. материалов международной научной конференции, посвященной 60-летию В.Е. Владыкина. Ижевск: АНК, 2003. С.142 – 146.
20. Долгов В.В. Сквозь темное стекло. Александр Невский перед Судом Истории // Родина. 2003. № 12. С. 86-88.
21. Долгов В.В. Роль византийской и восточной традиций в процессе формирования политической культуры русского государства в XIII – XVI веках // Вестник Удмуртского университета. Серия «История». 2003. С. 43 – 65.
22. Долгов В.В. История России: Россия и Восток / Сост. Ю.А. Сандулов. Рецензия // Вестник Удмуртского университета. Серия «История». 2003. С.203 – 205.
23. Долгов В.В. К вопросу об этапах взросления и возможности реконструкции практики инициаций в Древней Руси XI – XIII вв. // VI Российская

университетско-академическая научно-практическая конференция.
материалы докладов. Ижевск, 2003. С. 58 – 59.

24. Долгов В.В. Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр – периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2003. 465 с. (в соавторстве с Д.А. Котляровым, Ю.В. Кривошеевым, В.В. Пузановым).
25. Долгов В.В. «Зло есть женская прелесть» (сексуальная жизнь древних руссов XI – XIII вв. и их отношение к женщине) // Социальная история. Ежегодник. 2003. Женская и гендерная история / Под ред. Н.Л. Пушкаревой. М.: РОССПЭН, 2003. С. 237 – 249.
26. Долгов В.В. Купцы в средневековой Руси IX – XIII вв. // Историк и его дело. Специальный выпуск. Сборник научных статей, посвященный 85-летию со дня рождения В.Е. Майера (1918 – 1985). Ижевск, 2003. С. 284 – 293.
27. Долгов В.В. К вопросу о княжеских венцах в Древней Руси XI – XIII вв. // Российская государственность: история и современность. Сб. статей. СПб.: Изд-во «Знаменитые универсаны», 2003. С. 34 – 44.
28. Долгов В.В. Проблема национального характера славян и великороссов в отечественной историографии: социальная психология и историософия // Историки в поиске новых смыслов: Сборник научных статей и сообщений участников Всероссийской конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В.Д. Жигунина. Казань, 7-9 октября 2003 г. Казань: Новое знание, 2003. С.185 – 192.
29. Долгов В.В. Путешествия и эмпирическая составляющая знаний о мире в Древней Руси XI - XIII вв. // Вестник Удмуртского университета. 2004. № 3. Серия «История». С. 112 – 125.
30. Долгов В.В. Первая примерка «имперских одежд»: византийская идеологическая система и проблема княжеских венцов в Древней Руси XI – XIII вв.// Ab Imperio. 2004. № 3. С.113 – 131.
31. Долгов В.В. Древняя Русь: мозаика эпохи. Очерки социальной антропологии общественных отношений XI – XVI вв. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 218 с.
32. Долгов В.В. К вопросу о социально-антропологических характеристиках эмоциональной составляющей взаимоотношений родителей и детей в традиционных доиндустриальных обществах (на примере Древней Руси XI - XIII вв.) // VI конгресс этнографов и антропологов России. 28 июня - 2 июля 2005 г. Тезисы / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН. 2005. С. 310.
33. Долгов В.В. Рец. на: Филюшкин А.И. История России с древнейших времен до 1801 г. //Вестник СПбГУ. Серия 2 (История). Вып. 2. 2005. С. 127 – 129.
34. Долгов В.В. «Волшебные мечи» в контексте религиозных воззрений человека Древней Руси // Вестник УдГУ. Серия «История». 2005. С. 118 – 125.
35. Долгов В.В. Древнерусский город XI - XIII вв. как сакральное пространство // Вестник ЧелГУ. Серия 1. История. 2005. № 2. С. 17-24.

36. Долгов В.В. Становление княжеской атрибутики в культуре Древней Руси X – XIV вв. (проблема княжеских венцов) // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и ранее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X – XVIII столетия). Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Л.В. Черепнина. Москва, 30 ноября – 2 декабря 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. Препринт. М., 2005. С. 108 – 110.
37. Долгов В.В. «Сакральный город» в контексте религиозных воззрений населения Древней Руси XI – XIII вв. // Исследования по русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора И.Я. Фроянова / Отв. ред. Ю.Г. Алексеев, А.Я. Дегтярев, В.В. Пузанов. М.: Издательский дом «Парад», 2006. С. 226-237.
38. Долгов В.В. Детство в контексте Древнерусской культуры XI – XIII вв.: отношение к ребенку, способы воспитания и стадии взросления // Этнографическое обозрение. 2006 № 5. С. 72 – 85.
39. Долгов В.В. Осмысление феномена Руси в древнерусской книжной культуре XI – XII вв. // Слов'янські обрії. Випуск 1. Київ: Національна Академія наук України, Український комітет славістів, Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського, 2006. С. 303 – 308.
40. Долгов В.В. Трансформация форм этно-религиозной мобилизации в идейных конструктах русских книжников XIII – XVII вв. и формирование новой элиты московского централизованного государства: Русь и народы Поволжья // Вестник УдГУ. Серия «История». 2006. С. 42-62.
41. Долгов В.В. Социально-антропологическая проблематика в трудах по истории Древней Руси XI – XIII вв.: дореволюционная историография // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей / Под ред. Н.Н. Алеврас. Челябинск: Каменный пояс, 2006. С. 364-371.
42. Долгов В.В. «Привычка к тесноте» средневекового горожанина в Древней Руси XI – XIV вв. // VII Конгресс этнографов и антропологов. Доклады и выступления. Саранск, 9 – 14 июля 2007 г. / Под ред. В.А. Тишкова. Саранск, 2007. С. 204.
43. Долгов В.В. «Волшебные мечи» в системе религиозного мировоззрения населения Древней Руси // Вестник Санкт-Петербургского университета. История, 2007, серия 2, выпуск 3. С.49-54.
44. Долгов В.В. Понятия земля/страны в контексте летописного повествования // Український історичний збірник. Київ: Інститут історії України НАН України. 2007. Вип. 10. С. .231-234.
45. Долгов В.В. Колдуны и ведьмы в Древней Руси XII-XIII веков // Вестник ТюмГУ. 2007. № 1. С. 217-223.
46. Долгов В.В. Отношение к духовенству и церкви в контексте общественного сознания Древней Руси XI – XIII вв. // Вестник ЧелГУ. История. Выпуск 22. 2007. № 21 (99). С. 5-10.
47. Долгов В.В. Рождение и ранний период жизни ребенка в древней Руси XI - XIII вв.: методы ухода, обрядовая защита, ценностные приоритеты // Вестник УдГУ. Серия «История». 2007. С. 29-40

48. Долгов В.В. Памяти проф. Б.Г. Плющевского // Общественно-политическая мысль в России: традиции и новации. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Ижевск 24-25 октября 2006 г. Т. 1. Средневековая Русь: проблемы идентичности / Отв. ред. В.В. Пузанов. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2007. С. 5 – 10.
49. Долгов В.В. Слияние элит как итог трансформации форм этно-религиозной мобилизации: Московская Русь и народы Поволжья // Общественно-политическая мысль в России: традиции и новации. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Ижевск 24-25 октября 2006 г. Т. 1. Средневековая Русь: проблемы идентичности / Отв. ред. В.В. Пузанов. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2007. С. 107-121
50. Долгов В.В. Древняя и новая история России в УГПИ – УдГУ: кафедра дореволюционной отечественной истории // Историческая наука в УГПИ-УдГУ. Историографические очерки. 1931-2006. /Отв. ред. О.М. Мельникова Ижевск, 2007. С. 22 – 56.
51. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI – XIII в. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 512 с. (Загадки и коды Древней Руси) 26,88 п.л. 4000 экз.
52. Долгов В.В. Детство как социальный феномен в контексте древнерусской культуры XI – XIII вв.: отношение к ребенку и стадии взросления // Социальная история. Ежегодник, 2007 / Редкол.: И.Ю. Новиченко, А.К. Соколов, К.М. Андерсон (отв.ред.) и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 2008. С. 67-87.
53. Долгов В.В. Финно-угры в картине мира населения Древней Руси XI – XIII в. // Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. Ижевск, 20-22 мая 2008 г. / Сост. и общ. ред. В.В. Пузанова и А.Е. Загребина. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. С. 199 – 205.
54. Долгов В.В. Русский героический эпос как источник реконструкции элементов сознания народа Древней Руси XI–XIII веков: к вопросу об эпической картине социального быта // Вестник ЧелГУ. История. Вып. 24. 2008. № 16 (116). С. 15-23.